

Вайнгорт Владимир Леонтьевич

Доктор экономических наук, член правления консалтинга «Кардис», Эстония
Эл. почта: kardis@kardis.ee

Vaingort Vladimir Leontyevich

Doctor of Economics, Member of the Board, “Kardis” Consulting, Estonia
E-mail: kardis@kardis.ee

Homo economicus в русскую литературу ввёл Гоголь

Gogol introduced Homo Economicus into Russian Literature

Среди множества определений „буржуа“ нравится мне *self-made man* [1], в котором сильна нота большой внутренней свободы — раз; пренебрежение давлением внешних иерархий — два; и неперемогимого хотя бы зарождения рыночных экономических отношений — три.

В России буржуа появились раньше, чем утвердился капитализм. Возник этот социальный тип не в среде купечества или мануфактурщиков (где, по европейским меркам, „полагалось“ зародится третьему сословию), а среди чиновничества и мелкопоместного дворянства [2]. В XIX веке первым заметил „протобуржуазный тип“ (по определению А. Белого) и ввёл его в литературу Гоголь, об экономических взглядах которого до сих пор ломаются копыя. Распространена точка зрения итальянского слависта Гвидо Карпи о тяготении Гоголя к „архаической утопии <...> сочетающейся с неприятием развитых форм экономики“ [3]. Философ Владимир Кантор вычитал у Гоголя „предсказание об опасностях, которые стоят перед Россией, кинувшейся в капитализм“ [4]. По Мережковскому „Хлестаков и Чичиков <...> две ипостаси — «бессмертной пошлости людской»“. У Пушкина: „То двух бесов изображения“.

Пушкин, как раз, героя-буржуа не заметил. Сравним его „Пиковую даму“ с гоголевскими „Игроками“. У Гоголя движущая сюжет пружина — деньги. У Пушкина — страсть к деньгам „обстоятельство образа действия“. Гоголь, в отличие от Пушкина — писатель экономический. Не потому, что разделял какую-то экономическую программу. И даже не потому, что его герои несли неизвестную николаевской России европейскую буржуазную свободу (какой обладал, например, Фигаро). Сам Гоголь видел для себя первейшую цель — взобраться по лестнице успеха как можно выше. В этом смысле Хлестаков и Чичиков его *alter ego*. А многословные публицистические комментарии к своим произведениям, где он дистанцируется от собственных созданий — из области его мистификаций. Тем более, нередко он неожиданно проявляет симпатию к ним же: „Хлестаков есть человек ловкий, совершенный *comme il faut*, умный, даже, пожалуй, добродетельный“.

Гоголь абсолютно буржуазен по мироощущению, что мне стало понятно при сотрудничестве с архитекторами и художниками по воссозданию в селе Васильевка близ Диканьки его родовой усадьбы.

Достаточно представить его нередкие путешествия „на перекладных“ из деревни, затерянной в бескрайней украинской степи, в Петербург со всеми прелестями ожидания лошадей и прозябания на почтовых станциях, не имеющего средств для приобретения постоянного жилья в столице, а потом представить его же работающим в Риме и в диканьском флигеле „под соломой“ (поскольку в небольшом господском доме он стеснял бы мать и сестёр). Дом этот Гоголь всячески старался осовременить. Письма его к матери полны советами об устройстве ламбрекенов над окнами, переделанными по форме на готический манер, или пожелания закрепить на стенах гостиной привезённой им из Петербурга развёртки Невского проспекта (часть многометровой литографии не

поместилась в гостиной и находится на стенах материнского кабинета), или устройство грота...

А что касается появления буржуазных фигур в чуждой им сословной действительности, то с нашим опытом конца восьмидесятых — что тут удивительного? Так же появлялись буржуа на излёте советского времени перед вторым пришествием капитализма. Когда в начале перестройки мне попали в руки до 1917 года „Мёртвые души“ с почти постраничными иллюстрациями Евстафия Ефимовича Бернадского — я не мог избавиться от ощущения, что лицо Чичикова на этих иллюстрациях очень знакомо, пока понял — это же лицо всех „румяных комсомольских вождей“ последних советских лет: Павлова, Пастухова и многих других, ставших без каких-либо нравственных мучений банкирами, губернаторами, олигархами и даже президентами. В общем, с лихвой реализовавшими мечты Павла Ивановича Чичикова.

Для самого Гоголя высшим достижением стала жизнь в Риме. „Приезжай когда-нибудь, хоть под закат дней, в Рим <...> Боже, какая земля чудес! и как там свежо душе!“ — пишет он М. А. Максимовичу [5]. Из римских его писем, из незаконченной повести „Рим“ смотрит совсем непривычный нам Гоголь: счастливый, открытый миру, погружённый в художественную жизнь города, который он называл „мой обетованный рай“. Может быть, мы неверно пытаемся понять его через мистическую позднюю русскую литературу? Может, ближе окажется Бродский? Тоже предтеча абсолютной личной независимости.

Литература

1. Венедиктова Т. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. — М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 23.
2. Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания. — М. : Новое литературное обозрение, 2017.
3. Карпи Г. Гоголь — экономист. Второй том «Мёртвых душ» // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 304—318.
4. Кантор В.К. Русская литература: желание и боязнь капитализма // Вопросы литературы. 1995. № IV. С. 104—130.
5. Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай : Материалы и исследования / пер. с итал. А. Ямпольской. — М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 217.